

ЭЛЕГИЯ ПУШКИНА «АНДРЕЙ ШЕНЬЕ» И СТИХОТВОРЕНИЯ ПИНДЕМОНТЕ ИЗ ЭПОХИ РЕВОЛЮЦИИ

В докладе, прочтенном еще в 1924 г. в Пушкинском Доме в Ленинграде и в Пушкинской Комиссии Общества Любителей Российской Словесности в Москве, я пытался установить некоторые отношения между Пушкиным и итальянским поэтом Ипполито Пиндемонте (1753—1828). Оказалось, что стих «Из Пиндемонте» («Не дорого ценю я громкие права»), вопреки общепринятому мнению, будто Пушкин в данном случае мистифицировал читателей, выдавая свое оригинальное произведение за перевод, — возникло действительно не без влияния итальянского поэта и представляет самостоятельную переработку темы, затронутой им, а также, несколько позже, Альфредом де-Мюссе¹.

Но есть и другие нити, связывающие творчество Пушкина с итальянским поэтом. Я имею в виду элегию «Андрей Шенье».

Пиндемонте² не только был другом Шенье, столь любимого Пушкиным, но и родственником, в известной степени, французскому поэту направлением своей поэзии. На ряду с эллинизмом Шенье (по взгляду Пушкина — типичнейшего классика³) стоят ярко выраженные классические симпатии Пиндемонте, который прекрасно владел латинским стихом и дал итальянский перевод гомеровской «Одиссеи», долго считавшийся образцовым. У обоих поэтов господствует эгегический тон. Задумчивая меланхолия, тихая мечтательность, отрешенность от мирской суеты, любовь к мирной жизни на лоне природы — обычные у них настроения. Силою таланта Шенье, разумеется, бесконечно превышал итальянского «герольда роман-

¹ «Об источниках стихотворения Пушкина «Из Пиндемонте» «Пушкин». Сборник второй. Редакция Н. К. Пиксацова, М. 1929.

² Общую характеристику Пиндемонте см. в упомянутой статье.

³ Новейшую сводку заметок Пушкина о Шенье см. в ст. Н. К. Козьмина: «Гюго и Пушкин о Шенье». «Язык и литература», т. I, вып. I—II. 1925

тизма», как его именует итальянская критика¹. Тем не менее, и к Пиндемонте подошла бы та характеристика, которую дает Пушкин безвременному погибшему французскому поэту, назвав его «певцом любви, дубрав и мира, певцом возвышенной мечты».

Стихотворение «Не дорого ценю я громкие права» (1836) находится в несомненной идейной связи с элегией «Андрей Шенье» (1825). В обоих случаях речь идет о свободе личности. В элегии поэт с несравненным пафосом выясняет трагизм положения отмеченного высоким талантом человека, подвергающегося произволу деспотической власти, — рисует свой идеал свободы, так сказать, отрицательно, пятая все то, что ему не соответствует или мешает, а в стихотворении 1836 г. он уже не ограничивается отрицанием, но и набрасывает свой положительный идеал поведения истинно свободного человека:

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи .. и т. д.

Найдя созвучное настроение у Мюссе и Пиндемонте, Пушкин воспользовался их примером для своей пьесы, бывшей одним из последних его произведений. Цель настоящей заметки — показать, что и в более ранней элегии он писал в полном созвучии с итальянским поэтом. С этой элегией вполне совпадают по настроению стихотворения Пиндемонте, отражающие его отношение к революции, которую он переживал совместно с самим Шенье, а также с Альфиери.

Поэзия Шенье в первом издании Латуша (1819) послужила, конечно, основным материалом для элегии. Критика уже выяснила те приемы, которыми русский поэт мастерски использовал эту поэзию². С удивительным искусством Пушкин воссоздает трогательный и трагический облик печальной жертвы революционного фанатизма. Сквозь его текст постоянно проглядывают подлинные переживания, излияния и выражения томящегося в темнице Шенье, когда —

Писался новых жертв кровавый список длинный,
И гибли Франции все лучшие сыны...

¹ Finzi. Storia della letteratura italiana. Torino 1888. III, 417—430.

² Ю. Веселовский. Пушкин и Шенье. («Пушкин» в изд. Брокгауза и Ефрона, т. III), Л. П. Гроссман. Пушкин и Шенье («Свиток», изд. «Никитинские Субботники», № 3, и «От Пушкина до Блока» М. 1926, изд. «Современные Проблемы»).

Замечу, что в данном случае Пушкин прибег к иному композиционному приему, чем в стих. «Не дорого дню я громкие права». Там он сжимает, сокращает, тщательно процеживает источники. Здесь, наоборот, он распространяет и осложняет их новыми мотивами и новыми оттенками. Стихи самого Шенье, касающиеся его лично, скорее лишь намекают на его душевные переживания, чем исчерпывают их. Пушкин, так сказать, раскрывает скобки и ярко выявляет весь глубокий трагизм положения французского поэта, целомудренно скрытый им от посторонних взоров. Читая русскую элегию после стихов самого Шенье, как будто слушаешь вдохновенные вариации Листа на тему Шопена или Шуберта.

Разочарование в революции у Шенье было общим с его итальянскими друзьями, Альфиери и Пиндемонте, и все они пережили те же стадии душевного процесса: сначала восхищения, а затем — ужаса и отвращения¹.

Влагаемое Пушкиным в уста Шенье восхваление истинной свободы и начального периода революции:

Приветствую тебя, мое светило!
Я славил твой небесный лик,
Когда он искрою возник,
Когда ты в буре восходило... и т. д.

должно быть сопоставлено прежде всего, конечно, со стихами самого Шенье («Jeu de paume»). Но его можно сравнить и со стих. Пиндемонте «La Francia», написанным тотчас же после открытия генеральных штатов и изданным в Париже². В общем оно исполнено надежд и ликований в той же степени, как и упомянутое стихотворение Шенье, но характерно то, что уже тогда некоторое сомнение в осуществимости истинной свободы закрадывалось в душу Пиндемонте.

На берегах Сены встречает его сама богиня Свободы и говорит:

Qui sono affin: ma d'un arcano velo
Vo cinto, il vedi, e non so dirti ancora,
Se questa terra del mio piè, se degna
De gli occhi e fiati miei sarà quest'aura.
A tanti voci, ond'io sentia chiamarmi,
Resister non potei: venni; e m'avvidi,
Che male, o almen troppo tosto io venni

т.-е.: «Наконец я здесь; но ты видишь, что я покрыта таинственным покрывалом, и я не сумею еще тебе сказать, достойна

¹ См. мою статью, указанную выше.

² Parigi, da torchi di Didot Maggiore, 1789, m. 8

ли земля эта ноги моей, достоин ли этот воздух очей моих и моего дыхания. Я не могла противиться многочисленным голосам, которые ко мне звали. И я пришла. Но я замечаю, что пришла или не в добрый час или слишком рано»¹.

Подобные сомнения разделял и Альфиери, который в письме к Пиндемонте 7 ноября 1789 г. уже клеймил революцию самыми неслестными эпитетами, забывая, как сам он недавно плясал от восторга на развалинах Бастилии².

В сонете «Per l'albero della libertà in Parigi. Dopo la rivoluzione del 1789» («Дерево свободы в Париже. После революции 1789») Пиндемонте говорит, что дерево свободы стало приносить горькие плоды, но виновато в этом не само дерево, а те, кто его взращивают:

Se frutti amari fino a qui vestiva,
Maledite i cultori, e non la pianta³.

В таком же духе пишет Пушкин:

Но ты, священная свобода,
Богиня чистая! Нет, не виновна ты:
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа —
Сокрылась ты от нас...⁴

И Шенье, и Пиндемонте восставали против казни короля. В газете «Journal de Paris» (1791—1792), в которой Шенье вел борьбу против якобинцев, он напечатал энергичную статью, чтобы спасти жизнь Людовику XVI. После казни короля Пиндемонте написал два сонета «In morte di Luigi XVI, re di Francia», исполненных глубочайшего негодования против террористов, отрубивших «невинную голову» (innocente testa). Поэт осыпает их самыми неслестными эпитетами, называя «подлыми» (vili), «кровопийцами» (un sangue non han più dolce a bersi), «рабами» (schiavi), «мучителями» (tiranni) и т. д.

Подобное же отношение к казни Людовика XVI находим и у Пушкина:

Когда святой старик от плахи отрывал
Венчанную главу рукой одепенелой... и т. д.

Приведенным эпитетам Пиндемонте соответствуют у Пушкина: «презренные бойцы», «пей нашу кровь, живи губя:

¹ Le poesie originali di Ippolito Pindemonte. Firenze 1858, стр. 63.

² И. И. Гливиенко. Витторио Альфиери, стр. 211, 208. Спб. 1912.

³ Le poesie originali di Ippolito Pindemonte, 434—435.

⁴ Ср также у Шенье:

La Liberté législatrice,
La sainte Liberté, fille du sol français и т. д.

(„Le Jeu de paume“, XXII).

ты все пигмей, пигмей ничтожный», «и час настал... и он уж недалек: надешь, тиран!» и т. д.

Может быть, еще в более сильных анти-якобинских тонах выдержан сонет «In morte della regina Maria Antonietta», где королева восхваляется, в стиле Петрарки, как «святая» (ср. у Пушкина «святой старик»), идущая на небо, «предмет удивления и благоговения»: *Di miraviglia oggetto e di pietate...*

Ее судьи называются «тиграми с налитыми кровью глазами» (*tigri ai sanguigni occhi*)¹.

В стихотворении «Ad Alessandra Lubomirski», посвященном польской аристократке, гильотинированной в Париже, и напоминающем «La jeune captive» Шенье, Пиндемонте вновь посылает негодующие строки против «правителей бесславных»:

Ah tigri! Ah mostri!
Di qual barbaro suol. di qual selvaggia
Isola inospital tanto s'intese!..²

«О, тигры! О, чудовища! В какой варварской земле, на каком диком негостеприимном острове возможны подобные дела!» и т. д.

Такие выражения напоминают пушкинские стихи:

А ты, свирепый зверь,
Моей главой играй теперь!
Она в твоих когтях. Но, слушай, знай, безбожный:
Мой крик, мой ярый смех преследуют тебя! и т. д.

В указанных стихотворениях Пиндемонте вполне солидарен с предсмертными «ялбами» самого Шенье, которого гнетет мысль умереть, «не опорожнив колчана, не пронзив, не растоптав, не потопив в их грязи этих палачей, осквернителей законов, этих наглых тиранов поработенной и умерщвленной Франции»:

...Sans vider son carquois,
Sans percer, sans fouler, sans pétrir dans leur fange
Ces bourreaux, barbouilleurs de lois,
Ces tyrans effrontés de la France asservie,
Egorgéel....³

Эти энергичные стихи обреченного на казнь поэта отразились у Пушкина в обращенных к нему словах:

¹ Pindemonte, 435—436.

² Ibid., 110.

³ Poésies de André Chénier. Edition critique. Par L. Becq de Fouquières, Paris 1862, стр. 454.

Гордись и радуйся, поэт!
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет;
Ты презрел мощного злодея;
Твой светоч, грозно пламенея,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславных.
Твой бич достигнул их, казнил
Сих палачей самодержавных.

В стихах Шенье и Пиндемонте хорошо отражается настроение идеалистов эпохи революции, горько разочарованных неожиданным ходом событий. Это настроение передалось и ближайшему поколению. Им охвачен и Пушкин. Противопоставление истинной идеальной свободы реальному ужасающему террору проходит, как основной мотив, через всю его элегию, объединяя его с французским и двумя итальянскими писателями.

Если основное содержание элегии возникло на почве тщательного изучения поэзии самого Шенье, то некоторыми штрихами Пушкин, может быть, обязан и Пиндемонте: такое сходство замечается не только в общем настроении, но и в отдельных выражениях.

Таким образом, с Пиндемонте оказываются связанными не только стих. «Не дорого ценю я громкие права» (1836) и не только отчасти «Кавказский пленник» (1819), эпиграф к которому первоначально намечался из того же итальянского поэта¹, но и элегия «Андрей Шенье» (1825).

Следовательно, Пиндемонте не был в литературных интересах Пушкина случайным и мимолетным явлением, но сопровождал его в течение всего творческого пути, хотя, конечно, и не захватывал так, как многие другие иностранные писатели, отмеченные большою силою таланта и большою оригинальностью.

¹ См. статью мою в вып. второй Пушкинского сборника Общества Любителей Российской Словесности

ПАМЯТИ
П. Н.
САКУЛИНА
СБОРНИК СТАТЕЙ

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
«НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ»
Москва—1931